

РЕБЕККА
Уэст

И БЛИЗИТСЯ НОЧЬ

Перевод
Любови Карцивадзе

роман

МИОО

МИФ Проза

Ребекка Уэст

И близится ночь

«Манн, Иванов и Фербер»

1984

УДК 82-311.2(410)

ББК 84(4Вел)6-44

Уэст Р.

И близится ночь / Р. Уэст — «Манн, Иванов и Фербер»,
1984 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00214-353-5

Вторая книга культовой трилогии «Сага века» британской писательницы Ребекки Уэст. После исчезновения супруга и продажи нескольких ценных картин Клэр Обри удастся наладить дела семьи. Роуз и Мэри совершенствуют свои навыки в музыкальном колледже, в то время как их старшая сестра Корделия становится помощницей арт-дилера. Ричард Куин, любимый младший брат, подумывает об Оксфорде. Взросление детей, учащихся принимать любовь и горе, становится все более острым по мере того, как события Первой мировой войны набирают обороты... Для кого эта книга Для поклонников семейных саг, исторического фикшна, классики и качественной литературы. Для тех, кому нравятся книги «Гордость и предубеждение» Джейн Остин, «Маленькие женщины» Луизы Мэй Олкотт, «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и «Грозовой перевал» Эмили Бронте. Для тех, кто хочет прочитать качественную и глубокую книгу английской писательницы, которая внесла выдающийся вклад в британскую литературу. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.2(410)

ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-00214-353-5

© Уэст Р., 1984

© Манн, Иванов и Фербер, 1984

Содержание

Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ребекка Уэст И близится ночь

Original title:
This Real Night
by Rebecca West

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

THIS REAL NIGHT © Estate of Rebecca West, 1984.

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC.

Translation copyright © 2024, by Liubov Kartsivadze

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Часть первая

Глава 1

День был так чудесен, что я жалела: ну почему нельзя жить так же медленно, как играть музыку? Я сидела с двумя своими сестрами, Корделией и моей близняшкой Мэри, и нашей кухней Розамундой в гостиной нашего дома в Лавгроуве, южном пригороде Лондона, теплым субботним днем в конце мая, почти пятьдесят лет назад. Было тепло, как в разгар лета, по полу тянулись медовые полосы солнечного света, а воздух над ними искрился пылинками; пчелы с жужжанием кружили над багряной веткой калины в вазе на каминной полке. Мы, четыре девушки, купались в праздности, которой не знали ни раньше, ни впоследствии, так как в конце триместра нам предстояло окончить школу и мы уже сдали все экзамены, которые должны были предоставить в наше распоряжение взрослый мир. Мы чувствовали себя счастливыми, словно беглые заключенные, поскольку все ненавидели быть детьми. В ту пору уже существовал – и с каждым годом крепнет – предрассудок, будто дети не принадлежат к тому же виду, что и взрослые, и обладают иными восприятием и мышлением, которые позволяют им вести отдельную полноценную жизнь. Тогда мне казалось, да и сейчас кажется, что это большая чепуха. Ребенок – тот же взрослый, только временно пребывающий в условиях, исключающих возможность счастья. Маленькие дети страдают от таких же физических и умственных ограничений, какие могут быть вызваны ужасным несчастным случаем или болезнью; но если калек и паралитиков жалеют, потому что они не могут ходить и их необходимо носить на руках, не могут объяснить свои потребности и ясно мыслить, то младенцев не жалеет никто, хотя они всегда громко плачут от бессилия и уязвленной гордости. Правда, каждый год улучшает их положение и дает им больше власти над собой, но это лишь приводит в ловушку. Им приходится жить в мире взрослых в невыгодном положении, как представителям подчиненной расы, которые вынуждены признать, что у их подчиненности есть причина. Ибо взрослые действительно знают больше, чем дети, это невозможно отрицать; но не благодаря какому-то реальному превосходству, выросшие лучше ориентируются в положении вещей только потому, что живут дольше. Это как если бы группу людей бросили в пустыне, одних с компасами, других – без; и те, у кого был компас, обращались бы с теми, у кого его нет, как с неполноценными, ругая и высмеивая их, не вспоминая о несправедливости условий, – и в то же время, часто доброжелательно, вели заплутавших бедняг в безопасное место. Я до сих пор считаю детство ужасным состоянием неуравновешенности и полагаю, что мы, четыре девушки, не без оснований почувствовали огромное облегчение, достигнув края этой пустыни.

Мы сидели в залитой солнцем комнате так непринужденно, словно были не девушками, а цветами. Наши учителя пока еще задавали нам уроки, но наши учебники лежали на столе неоткрытыми. Возможно, мы заглянем в них, когда будем одеваться в понедельник утром, просто чтобы избежать неприятностей. Я откинулась в кресле, положив ноги на кресло напротив, поскольку не уставала созерцать свою новую, длинную и узкую юбку. В тот день Мэри впервые забрала волосы наверх; последние несколько месяцев она, как и я, носила прическу, которую в те времена называли «катоган» – сложенную вдвое косу, завязывавшуюся на затылке бантом из широкой муаровой ленты, – но теперь мы отважились на настоящие взрослые пучки, заколоть которые было гораздо сложнее. Так что она сидела с полным подолом шпилек, держа в одной руке расческу, а в другой – зеркальце, и то и дело встряхивала головой и склоняла длинную белую шею к своему отражению, чтобы посмотреть, не растрепались ли ее черные волосы. Так качают головами лебеди, прежде чем заскользнуть над своими изображениями на водной глади. Розамунда шила оборчатый подъюбник для магазина на Бонд-стрит, покупав-

шего изящное белье у нее и ее матери; кухня, которая все делала медленно, – вплоть до того, что говорила заикаясь, – сейчас даже по своим меркам запаздывала. Иногда она откладывала иголку, тянулась к чайному столику, с которого мы поленились убрать, и угощалась куском сахара. С хрустом разжевывая его, Розамунда откидывалась в кресле, выбирала один из тяжелых золотых локонов, спускавшихся ей на плечи, и накручивала его на указательный палец, то ли чтобы затянуть пышную спираль, то ли просто им полюбоваться. Корделия штопала свои чулки, склонив золотисто-рыжую голову с тем же добродетельным и самоотверженным видом, который придавала всему, что делала: посторонний человек подумал бы, будто чулки принадлежат кому-то другому. Впрочем, на самом деле сестра была не так уж плоха. Если бы ее спросили, она бы призналась, что чулки ее. Корделия была притворщицей, но эта ее черта была скорее физической, чем душевной. Что бы она ни делала, ее тело утверждало, что это имеет большое моральное значение.

Сегодня мы, четыре девушки, показались бы пресными до отвращения. Розамунда и Мэри были красивы, бесспорно красивы, словно героини Теннисона, глаза их выглядели необыкновенно большими и блестящими, а все цвета – ослепительными. Волосы Розамунды отливали роскошным золотом, кожа Мэри сияла совершенной белизной; а Корделия с ее короткими золотисто-рыжими кудряшками и кожей, румяной, точно в отсветах розовой лампы, казалась невозможно хорошенькой. Я и сама была не так уж плоха. До остальных мне было далеко, но в последнее время поведение незнакомых мужчин постоянно убеждало меня, что я довольно милостива. Если я приходила в банк обналичить мамин чек, клерки словно желали, чтобы процесс выдачи денег требовал больших усилий, чем могло показаться, и больше свидетельствовал об их расположении ко мне. Нам это и нравилось, и не нравилось. Хотелось вырасти кем-то другим, нежели женщинами. Хотя наши оформившиеся фигуры делали нас похожими на лучшие статуи, нам не было от них никакого толку, поскольку, где бы мы ни жили, не могли разгуливать нагишом или в древнегреческом одеянии, так что это означало лишь, что наши блузки и корсажи стало сложнее подогнать. Что же до других последствий нашего пола, чаще всего к ним подходило слово «нелепые». Мы все были в ярости, кроме Розамунды, которая могла принять любой физический факт. Благодаря нашему крепкому здоровью они причиняли нам не более чем неудобство, но казалось нелепым – да, нелепым – постоянно терпеть огромные неудобства, потому что когда-нибудь, через много лет, у нас могли родиться дети, что было крайне маловероятно. Мы мрачно полагали, будто знаем, что такое брак. Недавно от нас ушел отец; не умер, а бросил нас, но не из жестокости – в этом мы были уверены, – просто, оставаясь с нами, он не мог принести нам ничего, кроме вреда. Отец был биржевым игроком, и маме приходилось постоянно сражаться, подобно пехотинцам в битвах, которые велись в те времена, чтобы у нас была крыша над головой и пища на столе. Отец Розамунды, злобный эксцентрик, был успешным дельцом, настолько не расположенным тратить ни на что, кроме поисков медиумов-спиритуалистов, что ей и ее матери, маминой кухне Констанции, приходилось искать приюта у нас. Мы понимали, что наш опыт нетипичен, ведь у некоторых были надежные отцы. Дома наших одноклассниц нередко приятно удивляли нас атмосферой стабильности, явно создававшейся не только их матерями, но и добрыми и здравомыслящими мужчинами, которые возвращались с работы сразу после того, как мы допивали чай. Но мы сомневались, не были ли эти хорошие папы таковыми по умолчанию. Наш играл на бирже, а отец Розамунды впустую тратил время и деньги, сидя в темноте и обращаясь к умершим, которых там нет, потому что оба они не любили этот мир и тянулись в тот, иной, на существование которого указывали полунамеки судьбы и сверхъестественного; и оба они много знали, потому что мой отец был гениальным писателем, а кузен Джок – выдающимся музыкантом. Представлялось возможным, что остальные мужчины оставались хорошими отцами только потому, что знали о мире слишком мало, чтобы против него ожесточиться. Вдобавок, хотя мы и презирали папу Розамунды, но глубоко любили нашего и верили: мама своими страданиями купила несчастное

счастье, намного большее, чем обыкновенное. Однако это еще сильнее укрепляло нашу решимость не выходить замуж. Мама посвятила себя этому браку, не зная, чего он будет ей стоить. Если бы мы, видевшие, какую цену она заплатила, обрекли себя на подобные страдания, пусть даже за такую же награду, в этом было бы что-то самоубийственное, противоречащее желанию продолжать жить, которое было ее главной чертой.

Брак представлялся нам спуском в склеп, где при трепетном свете дымящих факелов совершался великий ритуал жертвоприношения. Разумеется, он был прекрасен, мы это видели. Но нам хотелось остаться на солнце, и мы не знали ни одной цели, которой могли бы послужить, принеся себя в жертву. Именно поэтому собирались идти по прямым линиям, которые, казалось, шли от наших тел к горизонту, все время пролегая над землей. У нас с Мэри все складывалось хорошо. Все наше детство мы твердили, что так и будет, и оказались правы. Из нас растили концертирующих пианисток, таких же как наша мама, и вот Мэри получила стипендию в Колледже принца Альберта в южном Кенсингтоне, а я – в «Атенее» на Мэрилебон-роуд. У Розамунды тоже все шло хорошо. После каникул ей предстояло пройти практику в детской больнице в восточном пригороде Лондона, и она хотела стать медсестрой так же сильно, как мы – пианистками. Она сидела и думала о палатах, амбулаториях, бинтах и медицинской форме с той же тихой, задумчивой жадностью, с какой грызла кусочки сахара. Мы не были точно уверены, каким образом все устроится у Корделии, но знали, что за нее можно не беспокоиться. Она с раннего детства хотела стать скрипачкой, но играла не лучше, чем пиликают в чайных, и совершенно ничего не понимала в музыке. Незадолго до этого ей жестоко открыли глаза на ее бездарность, но она выдержала удар так стойко, что сломить ее, очевидно, было невозможно. Всю жизнь нас тошнило от глицеринового потока игры Корделии, но теперь, к нашему изумлению, она вела себя так, как должна была играть, и проявляла не меньше энергии, чем любая из нас; а энергию мы ценили. Мир был полон возможностей, и, чтобы их не упустить, требовалась энергия, но если уж их ухватить, то все будет в порядке, в полном порядке. Наши реакции на жизнь были настолько естественными, что, когда я оглядываюсь назад, мы вовсе не кажемся естественными, а походим на четыре ярко окрашенных робота. Затем произошло нечто очень приятное. Ричард Куин, наш брат-школьник, прибежал из сада и сказал, что посаженные нами тюльпаны наконец-то расцвели и он сейчас приведет маму на них посмотреть. Корделия, которая никогда не верила, что наша семья может в чем-то добиться успеха, воскликнула: «Как, неужели они и впрямь расцвели?» – и мы с Мэри ответили с такой горячностью, словно речь шла не только о тюльпанах: «Разумеется, они расцвели, мы следили за их зелеными бутонами много дней». Розамунда последовала за нами по чугунным ступенькам в сад довольно неуклюже, потому что была очень высокой. Потом вышли мама и Ричард Куин, и мы все встали перед круглой клумбой на лужайке, с глубоким волнением глядя на двадцать четыре тюльпана, двенадцать красных и двенадцать желтых, и тридцать шесть окружающих их лакфиолей. Они были знаком того, что мы разорвали долгие чары. На нас впервые снизошла уверенность, что мы способны делать то же, что запросто удастся другим людям. Наш сад всегда был красив благодаря зарослям сирени и чубушника и каштановой роще в конце лужайки, высаженным каким-то покойным владельцем, словно декорации в пьесе; но в клумбах никогда не росли никакие цветы, кроме старых розовых кустов и ирисов, которые представляли собой не более чем пучки листьев. Пока папа жил с нами и проигрывал все на бирже, иначе быть не могло. В ту пору растения и луковицы стоили очень дешево, но мы не решались покупать ничего, кроме самого необходимого. В худшие времена у мамы не оставалось ни шиллинга, а лучшие времена никогда не длились столько, чтобы мы успевали забыть о своем страхе упасть с обрыва. Все деньги, которые нам удавалось скопить, мы тратили на походы на концерты, в театры и прочие места, которые ставили с ними в один ряд, например сады Кью и Хэмптон-корт. Таким образом, у нас в саду не было цветов по очень простой причине: нам не на что было их купить. Но беднякам стыдно признавать, что они рабы своей бедности, и приходится

выдумывать своей несвободе мистические объяснения. Вот и мы говорили себе, что, как ни странно, цветы просто не желают расти в нашем саду.

Потом прошлой осенью папа от нас ушел, и мама продала несколько картин, про которые знала, что они ценные, хоть и притворялась, будто это не так, чтобы обеспечить нас как раз на такой крайний случай, который она, разумеется, всегда предвидела. Внезапно с деньгами у нас стало все в порядке, ну или почти. И однажды Корделия, Мэри, Ричард Куин и я пошли в питомник на окраине Лавгроува, заказали доставку комнатных растений к Новому году и купили луковицы гиацинтов и тюльпанов, чтобы сразу же их посадить. Мы держали эту затею в тайне от мамы, и это было к лучшему, потому что гиацинты так и не взошли. Нас это ужасно огорчило, поскольку подлило масла в огонь Корделии. Зато остальные цветы расцвели, что стало пусть и маленькой, но основательной победой. Алые и золотые тюльпаны, выросшие из круга лакфиолей, выглядели намного лучше, чем их современные потомки, потому что садоводы тогда не придавали им красные и желтые оттенки, и цвет их был темно-коричневым и нежным, как карие глаза; и мы стояли, упиваясь удовлетворением.

– Ах, как пахнут, как пахнут эти лакфиоли! – воскликнула девичьим голосом наша старая, худая и измученная мама. Как и всегда в мгновения величайшей радости, она была нам не матерью, а сестрой.

Я обняла ее за талию и в очередной раз поразились тому, что всем нам казалось странным в наших отношениях с ней. Мы переросли ее и могли покровительственно смотреть на нее сверху вниз так же, как еще недавно смотрела на нас она. Нас это удивляло, словно ничего подобного никогда не случалось ни в одной другой семье. Я была бы очень счастлива, если бы счастье в то время не оборачивалось для меня своей противоположностью. У мамы появилось достаточно денег, у нас, девушек, – уверенность в будущем, а Ричард Куин всегда мог о себе позаботиться. Теперь мы, как и другие люди, могли выращивать цветы и делать все, что удавалось им. Но пока папа не ушел, так не было, и мы как будто променяли его на все эти вещи. Я хотела объяснить Богу, что с готовностью обошлась бы без них, лишь бы отец вернулся. Но мое горе от его утраты уже притупилось. И это стало еще одним горем, поскольку свидетельствовало о моей черствости. И все же я пользовалась своей черствостью, я смотрела на тюльпаны и слушала, что говорили остальные, зная, что скоро забуду думать о папе; так и случилось.

– Давайте всегда дарить друг другу луковицы и растения на Рождество и дни рождения, – сказала Мэри, – тогда мы сможем заполнить и остальные клумбы.

– На это уйдет столько лет, что мы успеем состариться, – возразила Корделия, но она тоже была счастлива, произносила свои горькие слова без горечи.

– Нет, дорогие, – сказала мама, – вам не нужно об этом беспокоиться. Разумеется, мы должны соблюдать осторожность, пока у вас все не устроится, но даже сейчас я могу позволить себе отложить кое-что для сада.

Она так долго была бедна, что даже когда говорила, мол, у нее есть на что-то деньги, то это звучало так, будто мама боялась, что у нее их нет. Мы смутно почувствовали, что Ричард Куин немного жесток, когда он сказал:

– Тогда отложи достаточно, чтобы раз в месяц вызывать приходящего садовника, не дожидаясь, пока торговцам придется прорубать себе дорогу топорами... мачете...

– Францисками, – подсказала я.

– Дети, что за чепуху вы несете? – сказала мама. – Во имя всего святого, что такое франциски?

– Подумай, мама, подумай, – сказала я, – ты ходишь в школу не для того, чтобы тебе забивали голову фактами, ты ходишь в школу, чтобы научиться думать...

– Вот это я ненавижу больше всего, – сказал Ричард Куин.

– А что, в школах для мальчиков тоже так говорят? – спросила Мэри.

– Конечно, это очень грубый, похожий на воровской жаргон, распространенный как среди учителей, так и среди учительниц, не употребляйте его дома, – ответил Ричард Куин.

– Франциска – это боевой топор франков, – объяснила я. – Дорогая мама, если бы ты потрудилась хоть на минуту задуматься...

– Баронги¹, – перебила меня Мэри. – Надеюсь, торговцы пользуются баронгами. Они издают такой приятный звук, когда рассекают сорняки, баронг-г, баронг-г-г.

– Говорю вам, торговцы пользуются мачете, – сказал Ричард Куин. – Они приносят «дюжину мачете, чтобы порубить кита». – Это было в книге о путешествиях елизаветинских времен, которая нам нравилась. – Да, мама, – продолжал он, – я знаю, что, по-твоему, твоих бледных детей полезно выводить на свежий воздух...

– Все взрослые считают, будто детей нужно растить как веселых крестьян, – заметила Мэри.

– Интересно, принадлежит ли это выражение Веберу? – задумалась мама. – Мне всегда нравится видеть его в либретто *Der Freischütz*².

– Мама, – сказал Ричард Куин, – давай придерживаться сути. Я не смогу регулярно косить лужайку, если хочу достаточно часто играть в крикет и теннис да еще и более-менее вовремя сдать на аттестат зрелости, Корделия слишком слаба после болезни, а когда это делают Мэри и Роуз, то мы лишь видим, как выглядит лужайка, когда ее косят две одаренные юные пианистки, которые не думают ни о чем, кроме своего искусства. Право же, попытайся взглянуть на это с точки зрения лужайки.

– Бедная лужайка, – сказала мама, – она словно женщина, которая ходит к неумелому парикмахеру.

Мы смеялись над этой маленькой шуткой дольше, чем она того заслуживала. Но все были очень счастливы. Я стояла между Мэри и Розамундой, и мы, переплетаясь руками, покачивались, словно легкие ветви на ветру.

– Боже мой, – вздохнула мама, – я столько лет не ходила к парикмахеру.

– Ну так сходи, – уговаривали ее мы все, очень уверенные в этом вопросе, поскольку сами только что начали ходить в парикмахерскую вместо того, чтобы мыть голову дома. – Тебе ничего не мешает. Глупенькая мама, разумеется, тебе нужно делать прическу у парикмахера, как другим мамам.

– Нет-нет, дети, – возразила она, снова поддавшись страху бедности. – Это было бы пустой тратой денег. Я уже стара, и не важно, как я выгляжу, да и пучок очень просто закрутить самой.

– Мама, это и вполтину не так просто, как ты полагаешь, – заметил Ричард Куин.

– Завтра утром я иду на стрижку, – сказала Корделия. – И тебя запишу.

– Почему мы не подумали об этом раньше? – удивилась Мэри.

– Ты и лужайка, – сказала я, – о вас позаботятся профессионалы, и вы обе станете красивыми.

– Нет, в отличие от лужаек, мамы не обновляются, – возразила она.

– Ничего, другие мамы верят, что обновляются, когда ходят в парикмахерскую, и ты тоже сможешь, если постарайся, – сказал Ричард. – Кроме того, ты само совершенство.

– Понс де Леон, придворный парикмахер, – произнесла мама. – О, как сладко пахнут эти лакфиоли, какой чудесный аромат, какой тяжелый и в то же время свежий...

– Какая жалость, что гиацинты не взошли, – произнесла я, – их аромат еще гуще.

– Чего об этом рассуждать! Ясно же, что мы неправильно их посадили, – сказала Корделия. Но и сейчас она говорила без горечи, а просто не могла избавиться от привычки обесце-

---

¹ Баронг – толстый листовидный нож с одним лезвием, использовавшийся исламскими племенами на Южных Филиппинах.

² *Der Freischütz* («Вольный стрелок» – нем.) – романтическая опера Карла Марии фон Вебера (1786–1826).

нивать все, что мы делаем. Ее голова была запрокинута, и она улыбалась солнечному свету. – Песок. Я где-то читала, что всегда нужно насыпать под луковицы песок.

– Продавец в питомнике ничего не говорил про песок, – возразила Мэри, но без особого запала. Сегодня нам не хотелось ссориться.

– Покупка была такой мелкой, что он не потрудился нам рассказать, – заметила Корделия, но с ее лица не сходила улыбка.

– Я знаю, почему тюльпаны взошли, а гиацинты – нет, – произнес Ричард Куин. – Гиацинты посадили мы, а тюльпаны – Розамунда.

– Конечно! – воскликнули мы. – Так оно и есть.

– Нет-нет, – заикаясь, проговорила Розамунда. – Наверняка дело не в этом. Сажать луковицы очень просто. Надо только зарыть их в землю – и они взойдут.

– Ничто не бывает так просто, – сказала мама. – Ах этот аромат, этот аромат, он расходится волнами.

Тут, помню, мое счастье стало экстатическим; и я снова почувствовала досаду, что жить нельзя так же медленно, как играть музыку. Между тем происходило нечто почти неуловимое, сотканное из слабых улыбок и полутонов нежности. Женщина позднего среднего возраста, четыре юные девушки и школьник любовались двумя обыкновенными видами цветов и не столько разговаривали, сколько обменивались ласковыми словами, подобно детям, передающим по кругу коробку с шоколадными конфетами. Я не могла взять в толк, почему у меня в ушах звенит кровь и я чувствую, что именно в таких вещах заключается дух музыки. Но момент прошел, прежде чем я смогла объяснить себе его важность, потому что кто-то окликнул нас со стороны дома, и мы раздраженно обернулись, злясь, что наш замкнутый круг разорван.

Но это оказался мистер Морпурго, а ему мы, разумеется, всегда радовались. Он был старым другом папы, всегда заботился о нем и даже после того, как отец повел себя с ним так странно, что им стало невозможно видеться, назначил его редактором местной лавгроувской газеты. Мы ни разу не видели мистера Морпурго, пока папа не ушел, но с тех пор он часто навещал маму и очень помог ей привести в порядок дела; бедное детство развило в нас умение разбираться в людях, и мы были благодарны ему за деликатность, с которой он давал понять, что добр к нам не из жалости, а потому, что мы ему нравимся, особенно мама. Мистер Морпурго пересек лужайку с нерешительностью, которую мы привыкли от него ожидать. Сначала он послал нам издали лучезарную улыбку, затем его лицо помрачнело, а походка стала шаткой, как будто он едва перевозмогал себя, чтобы явить свое тело людям, которых находила привлекательными его душа. Он и впрямь был на редкость некрасив. Его скорбное лицо было землистым, огромные черные глаза слишком свободно вращались в голубоватых белках, а мешки под глазами свисали на щеки, которые, в свою очередь, свисали на свисающие подбородки; и под красивой опрятной одеждой его маленькое тело обмякло, словно завязанный в узел зонтик со сломанными спицами. Впрочем, мы уже не считали его наружность отклонением от нормы, а воспринимали ее как признак того, что он принадлежал к более кроткому и чувствительному виду, чем обычное человечество: он был не мистером Морпурго, а морпурго, как мог бы быть лосем или муравьедом, и это всех устраивало.

– Как замечательно, что вы вернулись! – воскликнула мама. – Ваш секретарь напугал нас, написав, что ему неизвестно, как долго вы задержитесь на континенте. – Когда он взял ее ладонь, она посмотрела на него с тревогой: мистер Морпурго и вправду выглядел еще более желтым и унылым, чем обычно. – Но какой у вас больной вид! Я знаю, в чем дело. Вы ездили в края, где всё готовят на растительном масле!

– Где всё готовят на растительном масле? – повторил он и на минуту впал в благоговейное молчание. – Как странно, что вы об этом догадались! Да, там и впрямь готовят на растительном масле. Это было суровое побережье, населенное строптивым народом. Даже будь

у них все сливочное масло на свете да вдобавок весь смалец, они и тогда послали бы за растительным маслом и, если бы то доставили свежим, хранили бы его, пока оно не прогоркнет, только для того, чтобы из их омерзительных кухонь в их омерзительные проулки валил надлежащий омерзительный чад. Но я несправедлив. Эти простые люди не желали мне зла. Вино вато дело, которое меня к ним привело. Оно вселило в мою душу ужас перед этим местом, – признался наш гость, жалобно глядя на маму. – Но по крайней мере оно завершилось быстрее, чем я ожидал, и сейчас с ним покончено. Так что мы о нем забудем. Нет никакого толку в том, чтобы о нем не забывать, – брюзгливо сказал он себе. – Вот я и решил отвлечься и привезти семейству Обри цветов, но обнаружил, что они смотрят на собственные цветы, более красивые, чем любые из тех, которые я мог бы вам привезти.

– Вы над нами смеетесь, – сказала Корделия.

– Нет, я говорю чистую правду, – возразил мистер Морпурго. – Вы не услышите от меня, что черствый хлеб вкуснее черной икры, и тому подобной чепухи относительно любой сферы жизни. Клэр, ваши дети обрекут себя на постоянные разочарования, если не усвоят, что, как правило, дорогие вещи намного, намного лучше дешевых. Будь то в садах или где угодно еще. Превосходство орхидей над приморскими малькольмиями столь велико, что вам пришлось бы унижить свой ум, чтобы его не замечать. И все-таки невозможно принести своим друзьям цветы прекраснее тех, что водятся в их собственном саду, потому что растущий цветок излучает сияние, которое срезанный утрачивает уже через час. Лепестки ваших тюльпанов налиты светом, тогда как цветы, что привез вам я, вероятно, потускнели в пути; и если вы заглянете в них, то увидите на пыльниках и тычинках пыльцу, – мы испугались, что он сорвет один из них для наглядности, но, разумеется, мистер Морпурго этого не сделал, – которую мои растеряли, еще когда садовники заносили их в дом. Вот поэтому-то я и привез вам цветы, уступающие в красоте тем, что у вас уже есть, и это не единственное, в чем я ошибся. Я привез вам слишком много. Взгляните на моего шофера, который стоит у вашего окна с охапкой гвоздик, тюльпанов и орхидей вдвое тяжелее его веса, стараясь не выдать своим гойским лицом своего мнения о моей неумеренности. А в машине еще охапка. Я вечно теряю чувство меры, – пожаловался он, заглядывая нам в глаза в поисках сочувствия.

Мы никогда не слышали от него такой длинной речи, и его ворчание звучало так, будто он говорил, чтобы помешать себе сделать то, что делают мужчины вместо того, чтобы разрыдаться. Мы подошли к нему поближе, и Мэри сказала:

– Но нам это нравится. Вы не можете смириться с тем, что нечто прекрасное существует только в одном-единственном числе, и чем больше вы превышаете это скудное количество, тем больше довольны.

– Но на сей раз от этого сплошные неудобства, – проворчал мистер Морпурго. – Вашей бедной Кейт придется всюду искать цветочные вазы. Я поеду и куплю их.

– Нет-нет, – взмолилась мама. – Вы купите слишком много.

– Вот видите! – сказал мистер Морпурго. – Вы меня знаете.

– Входите, сядьте тихонько и выпейте чаю, а дети пока поищут, куда поставить цветы, – сказала мама. – Право, Эдгар, я за вас беспокоюсь. Переживать из-за того, что вы, по-вашему, привезли слишком много цветов – слишком много цветов! – это совершенный абсурд. Вы, должно быть, заболели. Говорю вам: всему виной готовка на растительном масле. Но мы найдем вам к чаю галеты.

Так что мистер Морпурго с виноватым видом вжался в самое большое кресло, а мы бегали за вазами, графинами и кувшинами и наполняли их пышными букетами, пока мама не сказала:

– Теперь дом похож на волшебное царство.

– Нет, скорее на выставку цветов, – со вздохом отозвался он и достал из кармана конверт.

– Пожалуйста, прочтите это письмо от моей жены, – сказал мистер Морпурго, а когда мама взяла его у него, улыбнулся, словно радуясь, что в одном отношении мир идет ему навстречу.

Но мама вскоре отложила письмо и произнесла:

– Со стороны вашей жены было очень любезно написать, что она желает со мной познакомиться. Необыкновенно любезно, особенно сейчас, ведь она только что вернулась из Пау и у нее, вероятно, множество забот. Но мне бы и в голову не пришло злоупотреблять ее временем. У нее наверняка множество друзей, и она приглашает меня исключительно по своей доброте. Не может быть, чтобы ваша супруга действительно хотела познакомиться с такой неинтересной собеседницей, как я.

– Чепуха, – сказал мистер Морпурго, – вы были знаменитой пианисткой, и вы замечательная женщина. Кроме того, – добавил он, – вы жена моего старого дорогого друга. Конечно, моя супруга хочет с вами познакомиться. Если бы она этого не хотела, то была бы глупой и очень далекой от меня, а жена не такова. Она очень умна, очень красива, очень импульсивна и сердечна.

– Естественно, что ваша жена обладает всеми этими качествами, – сказала мама. – Но как бы там ни было, она слишком любезна. Позвольте, вдобавок ваша жена приглашает нас всех. Да ведь нас целая ватага! А Ричард Куин еще школьник, он слишком мал, чтобы выезжать.

– Нет-нет, – сказал мистер Морпурго, – вы все должны прийти. Прежде всего, никуда не годится, что никто из вас не бывал у меня дома.

– Но мы у вас бывали, – возразила мама.

– Нет, никогда, – сказал мистер Морпурго. – О, я понимаю, о чем вы. Но тот дом на Итон-плейс не мой. Он принадлежал моему дяде, умершему несколько лет назад; и я, мои дяди и кузены посчитали, что, сохранив его, избавим себя от лишних хлопот. Это очень удобно, когда кто-нибудь из нас хочет закрыть свой городской особняк, как это случилось со мной зимой, и если приезжает наша родня из Парижа, Берлина или Танжера. Впрочем, – добавил он с суровым, но самодовольным видом человека, придумавшего способ сэкономить, – новая гостиница «Ритц» настолько хороша, что люкс в ней подойдет им ничуть не хуже. Но мой собственный дом – это совсем другое дело. Взгляните на шапку письма. Я хочу, чтобы вы все его увидели, а о возрасте Ричарда Куина не беспокойтесь. Я хочу, чтобы вся ваша семья познакомилась с нашей; и, кроме того, он младше моей Стефани разве что на пару месяцев. Если на обеде будет она, то почему бы там не присутствовать и ему. Возможно, вашему сыну придется немного поскучать, но я надеюсь, что Ричард Куин потерпит, чтобы доставить мне удовольствие.

Ричард Куин опустился на корточки среди желтых тюльпанов и просиял улыбкой.

– Я готов на все, чтобы доставить вам удовольствие. – Это были не пустые слова. Он любил доставлять людям радость не меньше, чем играть в игры.

– Важно, чтобы он пришел, – с загадочным видом сказал мистер Морпурго маме. – Вы когда-нибудь задумывались, что он единственный сын в обеих наших семьях? О, не смотрите же на меня с таким сомнением. Всё в полном порядке, иначе я бы не принес вам приглашение. Вчера вечером мы с женой все обсудили. Последние полгода она с нашими дочерьми и их гувернанткой провела в отъезде: они навещали ее больную астмой мать, которая нынче живет в Пау. Жена вернулась на двадцать четыре часа, чтобы сообщить мне, что ее матери стало лучше и что через десять дней вся честная компания приедет домой. – Он рассмеялся. – Говорил же вам, что она импульсивна. Ей не терпелось поделиться со мной этой новостью, она сказала, что внезапно почувствовала, что ей необходимо меня увидеть, – и прибыла. А сейчас снова уехала. Как я люблю, когда она и мои девочки возвращаются! Нет ничего лучше, чем быть со своей семьей и принимать в гостях друзей. И вы станете нашими самыми первыми

гостями. Что ж, мне пора, увидимся через две недели. Я выбрал субботу, чтобы вам, молодежь, не пришлось пропускать школу. – Он с улыбкой поднялся, как будто его занимали какие-то приятные мысли и ему хотелось поскорее уйти и насладиться ими наедине с собой. Взгляд его черных, таинственно сияющих глаз упал на охапку красных гвоздик, которую Мэри положила на поднос, и он, перебрав их своими пухлыми пальцами, нашел один из самых пышных цветов, сломал его сочный стебель и вставил в петлицу. Однако, взглянув на темную розетку, снова погрустнел. – Когда дела идут хорошо, невольно становится весело, – виновато сказал он маме.

– Что же в этом дурного? – спросила она.

Мистер Морпурго замялся:

– Это какое-то предательство по отношению ко всему тому, что не заладилось.

– Такая нелепая мысль никогда не пришла бы вам в голову, если бы не вся эта готовка на растительном масле, – сказала мама.

Мэри вскоре нашла предлог, чтобы с нами не идти, как мне показалось, довольно беспринципно, превратив неопределенное предложение в твердое обещание и надавив на одну из самых чувствительных точек мамы. Мы все прекрасно знали, в какой день едем к мистеру Морпурго, но мама назвала точную дату только по прошествии некоторого времени, на что Мэри, вздрогнув, воскликнула:

– Десятого!.. Что ж, мама, тебе придется сказать миссис Бейтс, что я не смогу в этот день играть на благотворительном концерте в церкви Святого Иуды.

Как и предвидела Мэри, мама тут же ответила:

– Как! Это в тот же день? Ты успеешь вовремя вернуться? Нет, пожалуй, не успеешь. Что ж, нельзя нарушать обещание выступить на концерте только ради светского визита. Никогда, никогда так не поступайте. Какая жалость! Я немедленно напишу чете Морпурго.

Я сердито пнула Мэри под столом, потому что мы постоянно препирались по поводу выхода во взрослый мир. Мэри думала, что люди, которых мы там встретим, будут такими же занудами, как девочки и учителя в лавгроувской школе, и мы должны решить для себя, что не станем иметь с ними ничего общего, кроме как играть для них на концертах. Среди них наверняка есть и хорошие, такие как наша одноклассница Ида, которая собиралась стать врачом и чья мать довольно сносно играла Брамса, но с ними мы все равно познакомимся, потому что они, как и мы, находятся вне этого мира. И в любом случае, говорила Мэри, мы можем не бояться одиночества, потому что дома нас достаточно, чтобы дать нам все необходимое общение. Мы были сильны числом. Теперь, когда у нас окончательно поселились Розамунда и ее мать Констанция, нас было восемь, включая нашу служанку Кейт, которая, безусловно, стала одной из нас, и девять, если считать мистера Морпурго, который, похоже, к нам прикнул; а если бы вернулся папа, нас набралось бы десять. «На что нам сдался кто-то еще?» – спрашивала Мэри. Но я считала, что стоит исследовать территорию за пределами Лавгроува, потому что там наверняка обитают люди, похожие на персонажей книг и пьес. Не могли же авторы выдумать их на ровном месте.

Предстоящий обед придал этой моей надежде самую привлекательную форму. Казалось несомненным, что миссис Морпурго добра и благородна, ведь муж называл ее красавицей, а ни одна красивая женщина не вышла бы за такого безобразного мужчину, если бы не ценила превыше всего доброту. Мы очень любили романы Джорджа Дюморье³, особенно «Питера Иббетсона», и я представляла миссис Морпурго в образе праведной великаныши герцогини Тауэрской. Только немного другой: поскольку она еврейка, волосы у нее будут черные, а не медно-каштановые, какие, по словам Дюморье, были у герцогини. Но как и Мэри Тауэрская, и все знатные дамы, нарисованные Дюморье, она будет очень высокой и слегка наклоняться вперед, и лоб ее будет омрачен беспокойством, но не раздраженным, а нежным, вызванным страхом,

³ Джордж Луис Палмелла Бассон дю Морье (1834–1896) – английский писатель-романист.

что поскольку она такая высокая, то могла упустить из виду какую-нибудь возможность проявить доброту. Я считала Мэри дурой, раз она упускает шанс познакомиться с этой великолепной женщиной, и сказала ей об этом в день обеда, когда она застегивала пуговицы сзади на моей лучшей блузке. Но когда сестра закончила, я повернулась к ней и увидела, что Мэри выглядит холодной и свирепой, а это означало, что ей страшно. Такой она бывала, когда кто-нибудь из нас заболел. Так что я просто обозвала ее дурой, чтобы она подумала, будто я ничего не заметила, и спустилась вниз.

В гостиной Корделия сидела на диване полностью одетая, вплоть до перчаток, которые остальные из нас натягивали только в самый последний момент, поскольку не одобряли их из принципиальных соображений, и смотрела, как Ричард Куин и Розамунда играют в шахматы. Сестра хмурилась, хотя брат тоже был готов к выходу, а Розамунда с нами не ехала. Корделию беспокоило, что Ричард Куин вечно играет в игры, и действительно, когда он и Розамунда сидели за шахматной доской, вид у них был беззаботный и роскошный, может быть, только потому, что они оба были белокурыми и на них лился солнечный свет. В последнее время Розамунда носила на выход высокую прическу, но, хотя и выглядела более взрослой, чем мы все, в отличие от нас не любила все делать по-взрослому и, едва вернувшись домой, поднимала свои длинные руки, медленно вынимала шпильки из волос и медленно, локон за локоном, распускала их по плечам. Когда я вошла, Ричард Куин ударил по доске, сшибив с нее красные и белые шахматные фигуры, перегнулся через стол и сильно дернул за один из этих распушенных локонов.

– Ты обыграла меня три раза подряд, – возмутился он. – Это противоестественно. Правильно таково, что я обыгрываю тебя, ты обыгрываешь меня, во веки веков, аминь.

– Так и было бы, если бы ты сегодня не думал о чем-то другом, – заикаясь, проговорила Розамунда.

– Ты никогда ни на чем не концентрируешься, – упрекнула его Корделия.

– Розамунда, я никак не пойму, что за фокус у тебя с шахматами, – сказала я. – Ты всегда говоришь, будто не умна, ты ни разу не получала никаких школьных наград, кроме как за рукоделие и за это кошмарное домоводство, и тебя даже не стали экзаменовывать на аттестат зрелости. Так вот, шахматы – очень сложная игра, наш папа – гений, а Ричард Куин был бы умен, если бы приложил хоть чуточку стараний, но ты все равно обыгрываешь их обоих. Как тебе это удастся, если ты не умна?

– Очень просто, – ответил Ричард Куин, продолжая крутить в пальцах ее длинный ячменно-сахарный локон. – У Розамунды нет ума. Но она прекрасно обходится и без него. Кузина думает кожей. Людям, которые экзаменуют на аттестат зрелости, такое не нравится, им, как выражается Кейт, это не по нутру, но шахматы – дело другое. Пока ты можешь делать ходы, шахматам все равно, что у тебя, как у Розамунды, просто что-то сияющее вместо мозгов.

– Раз уж я такая, то смогу ли стать хорошей медсестрой? – нисколько не обидевшись, спросила его кузина.

Но Ричард Куин смотрел мимо нее на открывающуюся дверь. Мама вошла, молча приблизилась к креслу и села. Мы с Корделией оглядели ее, чтобы убедиться, что она оделась подобающе для званого обеда, но Ричард Куин резко спросил:

– В чем дело? – И мы увидели, что лицо у нее совершенно белое и она вертит в руках клочок бумаги. Мы словно вернулись во времена, когда с нами жил папа.

– Дети, – произнесла она, – произошло нечто ужасное.

– О, только не сегодня! Не сегодня! – воскликнула Корделия. – Мистер Морпурго будет здесь с минуты на минуту.

– Пришел человек, который время от времени являлся сюда за деньгами, – сказала мама. – Таково его ремесло, и, разумеется, подобные люди должны существовать; в них не было бы надобности, если бы все платили по долгам. Ах, дети, всегда платите по своим дол-

гам! В первый раз этот человек явился, чтобы требовать с нас арендную плату, но не ставьте это в вину вашему кузену Ральфу: клерк из жилищной конторы послал того человека к нам без его ведома. Я написала вашему кузену Ральфу, попросила его больше так не делать и объяснила, что это бесполезно и что я плачу за аренду, если у меня есть деньги. Он очень любезно ответил, что не знал про пристава и позаботится, чтобы нас больше не беспокоили. В другой раз этот человек пришел требовать арендную плату за конторские помещения, которые ваш отец и мистер Лэнгем сняли для компании, как-то связанной со страусиными перьями, но так ее и не основали. Были и другие случаи, но я их уже не помню.

– Ну, сейчас-то он не мог прийти за тем же, – сказал Ричард Куин, сев на подлокотник маминого кресла. – По всем счетам уплатил поверенный.

– Сейчас он в столовой, – сказала мама, – и, по его словам, мы задолжали десять фунтов типографу.

– Ну так давайте с ним расплатимся, – сказала Корделия, вставая. – У нас ведь найдутся десять фунтов? Я сбегаю в банк, если ты выпишешь чек. Но возможно, у нас нет десяти фунтов. Полагаю, у нас все еще очень мало денег.

– Сядь, дорогая, от твоего стояния нет никакого толку, а меня это нервирует, – сказала мама. – Беда в том, что мы не должны ему ни десяти фунтов, ни даже одного. По крайней мере, мне так кажется. Я уверена, что все улажено; и у этого человека нет никаких подтверждений долга, кроме этого листка бумаги: «“Маршан и Ив”, типографы, Кингстон, октябрь, в счет выплаченных десяти фунтов». Никогда о них не слышала, и, насколько я знаю, ваш отец перестал заказывать что-либо в типографиях задолго до своего ухода. Я поняла, что он болен, в том числе потому, что прекратил писать.

– Вдобавок дата – октябрь, – сказал Ричард Куин. – Папа к тому времени уже ушел.

– Это ничего не значит, месяцы, упоминаемые в связи с долгами вашего отца, могут относиться к любому году, будь то минувшему или будущему; ваш отец был воплощением долгов, – заметила мама без всякой горечи, как будто говорила о буре. – Но это какая-то ерунда. Раньше этот человек приходил с официальными документами. Он всегда показывал их мне, хоть я и не смотрела. Но теперь у него нет ничего, кроме этой грязной бумажки.

– В таком случае мы пойдем и скажем ему, что вызовем полицию, если он сейчас же не уйдет, – сказала я, сев на другой подлокотник кресла и поцеловав ее.

– Вы все для меня огромное утешение, – произнесла мама, – но встаньте же, дорогие, никакая мебель не выдержит такой нагрузки, и вы упускаете главное. Видите ли, он всего лишь бедный старик. У него седая борода, раньше она была подстрижена, а теперь всклокочена, и у него грязное пальто. Я помню: когда он приходил раньше, то выглядел очень опрятно. Что же с ним случилось? Впрочем, что за глупый вопрос, с ним могло произойти что угодно. Как бы там ни было, я полагаю, среди таких людей пошла молва, что мы платим по всем своим долгам, и он решил подобным образом подзаработать.

– Давайте его вышвырнем, – сказала я. – Как жаль, что нам нельзя его убить!

– Но почему ты не веришь, что папа действительно задолжал эти деньги? – спросила Корделия. – Он ведь кругом задолжал, так почему не мог этому кингстонскому типографу?

– Я уверена, что это не настоящий долг, – ответила мама. – Войдя в комнату, я увидела, что у него заплаканное лицо. Дело не только в том, что он так себя запустил: бедняга выглядит постаревшим на много лет. Вдобавок после того, как пристав мне нагрубил, он покосился на меня, чтобы убедиться, что я купилась, и глаза у него были как у старого пса. Что мы можем сделать для этого бедолаги? Нельзя же притвориться, будто мы и впрямь должны ему десять фунтов, это слишком безумно, да и пять фунтов тоже немалые деньги.

– А пятерка-то откуда взялась? – спросил Ричард Куин.

– Не представляю, как нам предложить ему меньше пяти фунтов, не дав понять, что мы его раскусили, – сказала мама. – И мне так стыдно: я никогда не задумывалась о том, что подоб-

ные люди живут собственной жизнью, мне казалось, что они возникают, чтобы меня донимать, а потом исчезают. Но у этого старика определенно есть собственная жизнь, и, по-моему, она печальна.

– Мама, постарайся говорить по существу, – взмолилась Корделия. – Откуда ты знаешь, что мы ему не должны?

– О, дорогая моя, – нетерпеливо отозвалась мама, – если бы это не ранило его чувства, я бы велела тебе открыть дверь и самой на него посмотреть. Он совершенно несчастен. Как жаль, что в той комнате нет какой-нибудь маленькой, но ценной вещицы, которую он мог бы сунуть под пальто и унести.

– Нет, мама, – сказал Ричард Куин. – Нет. Мы не можем набивать комнаты вещами, которые помещаются под пальто, чтобы воры могли их красть без зазрения совести. Это и впрямь слишком безумно.

– Да, но что же нам делать? – спросила мама. – Говорю вам: он страдает.

– Тетя Клэр, – заикаясь, произнесла Розамунда. Она ставила красные и белые шахматные фигуры на свои места на доске.

– Да какая разница, страдает он или нет, если пристав тебе нагрубил и пытался тебя обмануть! – сказала я.

– Машина вот-вот приедет, – напомнила Корделия. – Надо что-то делать. Неужели ни у кого из вас нет ни капли благоразумия?

– Тетя Клэр, – повторила Розамунда. Неловким жестом она опрокинула шахматные фигуры на пол. – О боже, – выдохнула она.

– Папины любимые шахматы! – воскликнула Корделия. – Роуз, постарайся на них не наступить. О, я не могу встать на колени, чтобы их собрать: у меня слишком узкая юбка, она помнется.

– Тебе незачем их собирать, это сделает Розамунда, – сказала мама. – И она так редко что-то роняет или ломает, что мы можем простить ей этот маленький конфуз, не привлекая к нему внимания. Если бы только знать, что мне делать с этим бедным стариком!

Ричард Куин подмигнул мне. Мы оба понимали, что Розамунда нарочно задела шахматную доску, чтобы прекратить спор и заставить нас себя выслушать, и что маме и Корделии, каждой по своим причинам, это было невдомек.

– Тетя Клэр, – пробормотала Розамунда, – вам не стоит самой разбираться с этим стариком. И никому из нас тоже.

– Но кто, если не мы, этим займется? – спросила мама.

– Ну как же, ведь у вас есть К-к-кейт, – ответила Розамунда, по-детски распахнув глаза. – Дайте мне немного денег, я отнесу их на кухню и попрошу заварить старику чашку чая, а Кейт отнесет ее наверх, даст ему деньги и скажет что-нибудь, чтобы он понял: мы знаем, что он мошенник. Кейт лучше нас сможет подобрать выражения, чтобы не ранить его чувства.

Она поднялась и теперь стояла с одной стороны маминого кресла, а Ричард Куин – с другой.

– Да, мама, – сказал он, поглаживая ее худое плечо, – Розамунда права, так будет лучше всего.

Маленькая и бледная, она взглянула на них с испугом. Они склонились над ней, сильные и яркие, действуя в полном согласии.

– Если вы дадите мне денег, все уладится до вашего отъезда, – заверила Розамунда, а Ричард Куин сказал: «Твою сумочку, дорогая».

Мама лихорадочно озиралась в поисках решения получше. Она была орлицей, терзаемой совестью.

– Боюсь, не слишком ли многого мы ожидаем от Кейт, – сказала мама. – Она очень добра, иначе ушла бы от нас много лет назад и устроилась в место, где меньше работы и больше

платят. Но, возможно, Кейт не увидит необходимости щадить человека, который пытался нам навредить.

– Мама, ты вечно волнуешься по пустякам, – сказал Ричард Куин. – Когда Корделия суется, она ведет себя как твоя дочь. Кейт справится. Тебе не нужно бояться того, что она сделает со стариком. Если бы на кого-нибудь из нас напала собака, Кейт бы побила ее, но не жестоко. Вот твоя сумочка.

Он отдал ее не маме, а Розамунде, и та с медленной ловкостью открыла сумочку и мгновенно нашла среди ее беспорядочного содержимого кошелек для соверенов.

– Тетя Клэр, сколько денег мне взять? – спросила кузина послушным тоном.

– Он просил десять, – вздохнула мама, – предлагать ему меньше пяти было бы оскорбительно... О, я понимаю, что это нелепо. Скажем, три.

– Не три соверена, а один, – велел Розамунде Ричард Куин, – и пусть молитвенник не вводит тебя в заблуждение, это не то же самое, что «не один соверен, а три».

– Дети, я устала повторять вам, что вы не должны потешаться над Афанасьевским Символом веры, – сказала мама. – Неужели это единственное, к чему вы прислушиваетесь в церкви? Глупо смеяться над Афанасьевским Символом веры, вы поймете, когда вырастаете. Впрочем, возможно, это слишком сильно сказано. Но вы увидите, что такое бывает. В целом. Но да, для начала один соверен. О, я должна быть честна, от него пахнет спиртным. Будем надеяться, Кейт придумает какой-нибудь способ потом ему помочь.

– Да, тетя Клэр. – Розамунда взяла монету и вернула маме сумочку, заметив, что на кошельке разошлись швы и следующим утром она отнесет его к шорнику, а потом ушла.

Мама обвела нас взглядом и спросила у нас, словно у старших, все ли будет в порядке. Потом со вздохом сказала, что ее шляпа, вероятно, съехала набекрень, и прошла через комнату к зеркалу. Но она лишь слабо боролась с отсутствием интереса к собственной наружности, и я подошла, чтобы ей помочь. Хотя ее голос звучал ровно, она дрожала; это было все равно что держать в руках птицу. Но, разумеется, приход кредитора напомнил нам все проступки, совершенные против нас папой, о которых теперь, когда его с нами не было, нам удалось забыть. К счастью, Розамунде и Ричарду Куину хватило ума придумать способ, благодаря которому мама могла избавиться от старика, не делая того, что было противно ее природе, и не отказываясь ему помочь. Впрочем, меня это не слишком обрадовало. Когда эти двое стояли по обе стороны от маминого кресла, они не были неподготовлены, в отличие от остальных из нас. Они действовали так слаженно и с такой готовностью подхватывали реплики друг друга, словно разыгрывали сцену, которую часто тайно репетировали; и гладкая и сияющая окраска делала их похожими на актеров в сценическом гриме. Но это сравнение было неудачным, ведь актеры верят, что должны говорить и двигаться так, чтобы смысл пьесы был понятен зрителям. Ричард Куин и Розамунда больше походили на фокусника и его помощницу, изображающих фальшивые потоки вод, которые переливаются в лучах света, но к которым нельзя приглядываться. Я любила Ричарда и Розамунду больше всех на свете, кроме папы и мамы, потому что именно любить Мэри я не могла: она моя близняшка и мы обе пианистки, получается, мы практически один человек. Я не сомневалась, что Ричард Куин и Розамунда любят меня в ответ, но между ними существовало взаимопонимание, к которому я была не допущена, и мне не удавалось увязать его с их любовью ко мне.

– О, как глупо мы все будем выглядеть, когда выяснится, что у этого человека действительно есть предписание! – запальчиво сказала Корделия.

Мама обернулась и раздраженно сказала:

– Чепуха, люди с предписаниями не плачут. – Потом она увидела, что глаза Корделии наполнились слезами, и нежно воскликнула: – О, Корделия, я была глупа! Я думала, что ты капризничаешь по поводу этого человека, а на самом деле ты нервничаешь перед своим первым визитом в большой дом, к богатым людям. Разумеется, ты напугана, это вполне естественно.

Но тебе не о чем тревожиться. У меня нет причин, чтобы не говорить с тобой откровенно, ты не тщеславна. Ты хорошенькая, даже необыкновенно хорошенькая, а людям нравятся хорошенькие юные девушки.

– Да, Корди, – вмешался Ричард Куин. – Сейчас я скажу тебе кое-что, чтобы ты не трусила ни сейчас, ни в будущем. После того как ты побывала на крикетном матче, меня спрашивают о тебе не только другие мальчики, но и учителя. Сначала они ходят вокруг да около, особенно те, что постарше, но в конце концов подбираются к этой теме. Понимаешь, это такая проверка. Если ты можешь заинтересовать учителей, то очаруешь кого угодно.

– Если помнишь, твой отец говорил, что ты похожа на его тетю Люси, – продолжала мама. – Так вот, она считалась красавицей. Когда нервничаешь, придя в новое место, просто постой, дай людям на тебя посмотреть, и все захотят быть дружелюбными. У меня никогда не было такого преимущества. Даже в ранней молодости люди с первого взгляда чувствовали, что я странная. Но я часто видела, как хорошенькие девушки приходят и сразу всем нравятся. Это очаровательное зрелище, – сказала она, улыбаясь какому-то воспоминанию.

Корделия застенчиво рассмеялась.

– Я правда ничего? – спросила она нас. Затем повернулась ко мне и, собравшись с духом, повторила: – Я правда ничего?

Я подумала про себя: «Она будто считает, что я всегда была к ней так сурова, что если назову ее хорошенькой, то, значит, это действительно правда» – и удивилась, почему у нее сложилось обо мне такое впечатление.

Вела ли я себя иной раз жестоко? Я полагала себя мягкой, хотя люди часто жестоко со мной обращались. Я также подумала: «Как странно, что она нуждается в заверениях относительно своей наружности, ведь когда Корделия на концертах плохо играла на скрипке, она, как мне казалось, эксплуатировала свою привлекательность с полным пониманием ее воздействия. Неужели Корделия так расстроилась, узнав, что у нее нет музыкального дара, что усомнилась и в существовании тех даров, которыми действительно обладала?»

– Разумеется, Корделия, ты прелесть, – ответила я, но не знаю, слышала ли она меня, потому что в этот момент в комнату вошла наша служанка Кейт, а за ней Розамунда. На лице Кейт застыло внушительное деревянное выражение, означавшее, что, по ее мнению, семейство нанимателей зашло в своих причудах слишком далеко и она намерена положить им конец.

– Кейт, будь к этому бедному старику помягче! – воскликнула мама. Она так и не научилась остерегаться этого деревянного выражения.

– К какому еще бедному старику? – Кейт выдержала паузу, словно ей задавал ритм невидимый дирижер. – Том Партридж – вовсе не бедный старик. Он тесть портомоя и большое горе для всей своей семьи. Но ради вас я обошлась с ним мягко.

– Как, ты уже с ним поговорила? – спросила мама.

– Да, конечно. Я не стала заваривать ему чай. Чай не его напиток. Я поднялась вверх и дала ему денег, как вы и велели, но не всю сумму, что вы доверили мисс Розамунде. Вот пять шиллингов сдачи.

– Как, ты дала ему пятнадцать шиллингов? – воскликнула мама. – Я уверена, что ты поступила правильно, но это такая странная сумма. Никто не говорит себе: «Бедняга, пожалуй, дам ему пятнадцать шиллингов».

– Я не дала ему пятнадцать шиллингов. Пятнадцать шиллингов для старика Тома Партриджа!.. Я дала ему пять шиллингов, – ответила Кейт, деревянная, как старый парусник.

– Я взяла у вас из кошелька не совершен, а полсовершен, – скучным тоном объяснила Розамунда. Я и раньше замечала, что она нередко говорила о своих поступках, словно о чем-то совершенно неинтересном, чему случайно стала свидетельницей.

– О Розамунда! Как это нехорошо, как непохоже на тебя! – воскликнула мама. – А ты, Кейт, ты была к нему жестока! Возможно, он и непутевый старик, но попал в какую-то беду. Кейт, он плакал.

– Да, мэм, – отозвалась Кейт. – Он и впрямь попал в беду. Беда в том, что на нем клейма ставить негде. Если он и плакал, то, верно, с перепоя, и коль скоро вы, мэм, так, так, так... – служанка хотела сказать «безрассудны», но это разрушило бы привычную ей систему взаимоотношений, – ...так добры, – произнесла она наконец, – он ушел счастливым. Чего Том хотел, так это обманом вытянуть у кого-нибудь деньги, чтобы спустить их на выпивку и почувствовать себя самым умным. Если бы вы ничего ему не дали, это и вправду было бы сурово, он бы уполз, поджав хвост, и почувствовал бы, что его песенка спета. Но стоит ему заполучить самую ничтожную сумму с помощью своих уловок – и он уходит в прекрасном настроении. Знамо дело, паршивец выпрашивал побольше, но я сказала кое-что, что без лишних слов положило конец нашему разговору.

– О Кейт, Кейт, ты точно не наговорила ему гадостей? – умоляюще спросила мама.

– Нет-нет, никаких гадостей, – заверила ее Кейт. – Я просто сказала, что если он будет кругом расхаживать, прикидываясь, будто собирает долги, которые никто не делал, то и моргнуть не успеет, как снова очутится взаперти.

– Взаперти? – не поняла мама.

– В тюрьме, – пояснила Кейт.

– Бедняга сидел в тюрьме? – спросила мама.

– Шесть месяцев в Уандсворте⁴, и по заслугам.

– Но он, наверное, ужасно обиделся, когда ты это сказала! – возмутилась мама.

– Нет, он не может обидеться, если называть это «взаперти», – нетерпеливо ответила Кейт, как будто пусть мама многого и не понимала, но уж это-то должна была понять.

– За что его посадили в тюрьму? – спросила Корделия, содрогнувшись от отвращения.

– Жадность покою не дает, – ответила Кейт. – У него хорошая работа сборщика долгов, но он не может устоять перед крышами пустующих домов.

– Но на что ему крыши пустующих домов? – изумилась мама.

– Он договаривается с пройдохами вроде него самого, которым вам, поди, тоже захотелось бы помочь, – ответила Кейт, едва не утратив почтительного тона, – и они забираются в дом, залезают на крышу, сдирают свинцовую кровлю, уносят и продают скупщикам, которые дают им за нее сущие гроши, потому что знают, откуда она взялась, а это-то больше всего и раздражает портомоя, ведь его имя втоптывают в грязь за жалкие несколько шиллингов. Вдобавок это жестоко. Без свинца крыша начинает протекать, так что несчастные жильцы, которые следующими въедут в дом, промокнув до нитки в собственных кроватях, а бедному домовладельцу придется заменять свинец! И ладно бы еще Том не устоял перед сильным искушением, как бедняк, который, проходя мимо лавки, видит что-нибудь, что по карману только богачам, и удирает с этим. Чтобы забраться в дом и снять с крыши свинец, надо заранее вооружиться инструментами и решимостью. Но какова подлость – прийти к вам и очернить имя несчастного хозяина, приписав ему лишние долги, когда в доме нет ни одного взрослого мужчины, чтобы воздать мерзавцу по заслугам. Не ожидала, что старый негодяй до такого докатится.

– Но он ничего не может с собой поделывать, – сказала мама.

– И вы бы его не исправили, если бы послали за полицией, – добавила Кейт.

– Об этом я и говорю, – сказала мама. – Мы все поступаем согласно своей природе.

– Если мы все поступаем согласно своей природе, почему ты уже который год пытаешься обуздать и укротить юных леди и засадить мистера Ричарда Куина за учебники? – спросил Ричард Куин.

---

⁴ Мужская тюрьма на юго-западе Лондона.

– О, воспитание – это совсем другое, – сказала мама. – Но старый Том Партридж, вероятно, не получил достаточного воспитания.

– Воспитывали его точно так же, как портомоя и его жену, – сказала Кейт, – и им до коллик надоели его грязные делишки.

– Вопрос не только в том, способны ли люди с собой справиться, – возразила мама. – Нужно быть к ним снисходительными, что бы они ни делали, когда что-то идет не так, это единственный способ все исправить.

– Но было бы намного лучше, если бы вы были добры к портомое и его жене, – сказала Кейт.

– Я буду добра к ним, если они в этом нуждаются и если я смогу дать им то, что необходимо, – сказала мама. – Но им моя помощь, скорее всего, не требуется. Ужасно то, что других людей, таких как Том Партридж, охватывает тяга к неблагоприятным поступкам, они загоняют себя в отчаянное положение и пропадут, если им не помочь.

– Но такие люди могут перестать делать все эти глупости, как только захотят, – сказала Кейт. – Старик Том Партридж предпочитает воровать свинцовые кровли, а портомой и его жена – жить порядочно и честно, и это единственное, что отличает их друг от друга.

– Ах, Кейт, не надо думать, что все так просто, – взмолилась мама.

– О чем спор? – осведомился мистер Морпурго. Он довольно долго стучал во входную дверь, но мы слишком увлеклись обсуждением Тома Партриджа, чтобы его услышать. В конце концов Мэрипустила гостя, и сейчас они оба стояли в дверях. – Кто такой старый Том Партридж и чем занимались портомой и его жена? – Когда мистер Морпурго приходил к нам домой, то часто напоминал ребенка, который хочет, чтобы ему рассказали сказку.

– Мама говорит, что люди бывают хорошими и плохими, потому что такими рождаются, – объяснил Ричард Куин, – а Кейт говорит, что они такие по собственному выбору, она думает, что преступники ведут себя так всем назло.

– А, так вот о чем они спорят! – воскликнул мистер Морпурго. – Лично я могу внести в этот спор лишь один небольшой вклад. Сказать вам, что вы вряд ли разрешите его до обеда. Он давным-давно продолжается в другом месте. Идемте, нам пора ехать.

Глава 2

Огромный квадратный автомобиль мистера Морпурго провез нас через Темзу и мимо здания парламента в район Лондона к югу от Гайд-парка, где площади облицованы лепниной, а высокие дома напоминают белые скалы вокруг зеленых садов; и мистер Морпурго стал очень веселым.

– Мы уже недалеко от дома, – сказал он, – и мне не терпится повидаться с женой за обедом. Хотя она два дня как вернулась, я ее почти не видел. К сожалению, путешествие вызвало у нее очередной приступ мучительной головной боли, сущее проклятие ее жизни. Из-за этих приступов она совершенно не может ни с кем разговаривать, и, пока они длятся, ей просто приходится запирается в своей спальне и опускать ставни, чем жена и занималась с самого своего возвращения. Когда она приехала, у нас состоялся долгий разговор, и ее старая боль вдруг вернулась. Нет-нет, о том, чтобы отложить ваш визит, не могло быть и речи. Возникни такая необходимость, я бы без зазрения совести попросил вас приехать в другой день. Но я спросил ее вчера вечером, и она сказала, что если поужинает в постели и примет снотворное, то вполне окрепнет к сегодняшнему обеду.

– В последнее время вам обоим не везет в путешествиях, – сказала мама. – Вы выглядели очень больным, когда вернулись из той поездки на континент, от которой, по вашим словам, не получили никакого удовольствия.

– Ах да, – вздохнул он, помрачнев. – Но, как вы верно заметили, это все из-за готовки на растительном масле. Видите, вот здесь я и живу, в том большом доме, что стоит наискосок на углу площади, очень большом и совершенно несообразном. Тут уж ничего не поделаешь. Как сказал Господь Иову, с бегемотом и левиафаном ничего нельзя поделывать. Нет, не вылезайте, лакей откроет вам двери.

При его последних словах меня охватил ужас. Как и все, кто вырос в домах без мужской прислуги, мы считали лакеев непримиримыми врагами рода человеческого, которые могут проявить свою злую волю при помощи сверхъестественных способностей, позволяющих им раскусить притворство гостя, едва впустив его на порог, и без слов изобличить его перед остальными присутствующими. Мы прошмыгнули мимо лакея, опустив глаза в землю, и поэтому, пока не вошли в холл, не замечали, что это не просто огромный дом, каким, как мы ожидали, и должен владеть мистер Морпурго, а огромный как театр или концертный зал. Мы стояли, омываемые ярким светом, лившимся из стеклянного купола высоко над нашими головами, на блестящем мраморном полу с геометрическим узором из черно-белых квадратов, треугольников и полумесяцев; лестница изгибалась, словно широкий, медленный водопад; стены были так огромны, что на одной из них помещался гобелен, на переднем плане которого две армии сошлись на суше вокруг спорного города, а на заднем два флота сражались среди архипелага, лежащего на стыке моря и эстуария реки; а на противоположной стене высокий каминный портал эпохи Возрождения поднимался в каменный лес, испещренный группами охотников. Отдав слуге шляпу и пальто, мистер Морпурго повернулся к нам, раскинув маленькие ручки и широко расставив ноги.

– Разумеется, – степенно сказал он, – нам не нужен такой большой дом, ведь нас всего пятеро. Но мужчине необходимо, чтобы в жилище было где развернуться. – Мы промолчали, и он подошел к маме и поцеловал ей руку. – Клэр, вы прекрасно воспитали своих детей. Ни один из них не рассмеялся. Так что я расскажу вам, что это за дом и почему вы не должны над ним смеяться.

Дворецкий и лакей внезапно обрели такой отстраненный вид, словно приняли наркотик, и начали переминаться с ноги на ногу. Вопреки моим ожиданиям, они походили не на бесов, а, скорее, на шекспировских придворных, столкнувшихся с главной проблемой их жизни –

как оставаться в пределах слышимости от своих словоохотливых вышестоящих, не подавая виду, что слушают, и найти удобную позу, в которой смогут простоять на протяжении их монологов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.